Наполеон проиграл войну, а я ее выиграл

Герман Владимиров

SHOUT
SHARE
IT

- Владимиров Герман

Владимиров Герман
Наполеон проиграл войну, а я ее выиграл

Герман Владимиров

Наполеон проиграл войну, а я ее выиграл

В наши дни поклонники Георгия Константиновича Жукова, казалось бы, не имеют повода для недовольства. Маршалу поставлены памятники на его родине в Калужской области, на Поклонной горе и в центре Москвы, около Исторического музея. Учреждены медаль и орден его имени. Многажды изданы его знаменитые "Воспоминания и размышления", в которых восстановлены все некогда искаженные цензурой места. И все-таки невозможно отделаться от ощущения, что памятники Жукову ставятся не в знак признания его выдающегося полководческого гения, не в знак благодарности потомства за неслыханные доселе победы на полях сражений, а в пику Сталину.

Приписывая маршалу главную роль в Победе, ему как бы приписывают и все, достигнутое в дипломатии СССР в годы войны, и в организации промышленности и сельского хозяйства, и в создании и производстве новой боевой техники, и в десятках других областей, на заслуги в которых сам Жуков никогда не претендовал. В чем он действительно был гением, так это в искусстве управления огромными массами всех родов войск на необъятных полях сражений, и, как это ни удивительно, именно здесь его заслуги были подвергнуты сомнению в первую очередь.

Изгнав в 1957 году Жукова с поста министра обороны, Хрущев начал подспудную ревизию истории Великой Отечественной войны, для чего необходимо было любой ценой принизить боевые заслуги сталинских маршалов и генералов. Начало этой дискредитации положила реабилитация и последующее непомерное восхваление репрессированных в 1937 году военачальников во главе с маршалом М. Н. Тухачевским. Советский пропагандистский аппарат, подыгрывая генсеку, принялся на все лады расхваливать таланты Тухачевского, Уборевича, Якира, Эй-демана, которые будто бы, не будь они расстреляны, могли бы выиграть Отечественную войну быстрее и с меньшими потерями, чем Жуков, Рокоссовский, Василевский, Конев. Но этой пропагандистской акции Жуков опять пришелся не ко двору.

Всего через два года после расстрела Тухачевского и его

компании, что, как утверждали, "обезглавило" Красную Армию, Георгий Константинович провел стремительную операцию по разгрому японских войск у Халхин-Гола. Поскольку никто из репрессированных военачальников похвастать подобной победой не мог, получалось: устранение Тухачевского и его сподвижников усилило Красную Армию благодаря выдвижению более талантливых военачальников!

Вот почему в 60-х годах об этой жуковской операции старались не вспоминать, а журналисты и издатели старались вытянуть из опального маршала как можно больше похвал в адрес Тухачевского и его сподвижников. Ведь это создавало впечатление, что маршал как бы признает их величие и даже некоторое превосходство над собой.

Поскольку в зависимость от этих и некоторых других похвал ставился выход в свет его книги, которой Жуков придавал большое значение, Георгий Константинович пошел на то, чтобы высказать свои похвалы Тухачевскому и другим в общем виде, но давать высокую профессиональную оценку их боевым операциям не стал.

Как ни странно, победа у Халхин-Гола, показавшая, что истинное призвание Жукова - это действия непосредственно на поле боя, привела к тому, что он получил назначение на высокий, но несвойственный его дарованию пост начальника Генерального штаба...

"Жуков никаким начальником Генштаба не был и быть не мог, - говорил маршал авиации А. Голованов, - для этого надо было иметь не такой характер, как у него... Жуков проявил себя не в Генштабе, а на фронте. Я считаю его самородком в военном деле. Он стал выдающимся полководцем, не имея ни общего, ни военного образования. Все, что имел Георгий Константинович, это голову на плечах".

Впервые в Отечественной войне он проявил себя в боях под Ленинградом. Приехав в осажденный город, он сразу же явился на заседание военного совета, где моряки обсуждали вопрос, как им лучше подорвать свои корабли, чтобы они не достались немцам.

- Как командующий фронтом, -прервал он их прения, - запрещаю вам взрывать корабли! Во-первых, извольте разминировать корабли, чтобы они сами не взорвались, а во-вторых, подведите их ближе к городу, чтобы они могли стрелять всей своей артиллерией. Возможно, корабли погибнут. Но если так, они должны погибнуть только в бою, стреляя.

И когда немцы пошли в наступление на Приморском направлении, корабельный огонь прошелся по их боевым

порядкам, как шквал. "Еще бы, довольно говорил Жуков. - Шестнадцатидюймовые орудия, представляете себе!"

За две недели Жуков стабилизировал Ленинградский фронт и 3 октября по личной просьбе Сталина выехал на Западный фронт, чтобы разобраться с положением дел на месте. То, что он увидел, могло вызвать только ужас. Все пути на Москву были открыты перед немцами. Доложив об этом Сталину, Жуков 10 октября возглавил Западный фронт...

- Мне часто задают вопрос, - говорил Жуков журналистам после войны, какое из сражений Отечественной войны запомнилось вам больше всего? И я всегда одинаково отвечаю: битва за Москву. Именно она положила начало коренного поворота в ходе войны. Ведь мы впервые во Второй мировой войне нанесли сокрушительное поражение главной группировке "непобедимой" немецкой армии, положив конец стратегии блицкрига. Показательно, что по этому поводу записал в своем дневнике начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер 23 ноября 1941 года: "Таких сухопутных войск, какими мы располагали к июню 1941 года, мы уже никогда больше иметь не будем". Так что роль битвы под Москвой трудно переоценить.

На вопрос известного историка В. А. Анфилова, какие дни Московской битвы он считает самыми трудными и опасными, Жуков ответил:

- Трудным и опасным был весь оборонительный период битвы. Самой же тяжелой, я считаю, оказалась вторая декада октября. В те дни и ночи я "мотался" вдоль фронта, чтобы организовать оборону, как-то прикрыть наиболее опасные направления, предотвратить глубокий прорыв противника. На самочувствии и работе отрицательно сказывались панические настроения в столице в те дни, бесконечные запросы и часто не соответствовавшие обстановке указания Сталина.

О том, в каком шоковом состоянии он находился, можно судить хотя бы по постановлению ГКО об эвакуации столицы, о существовании которого я узнал в 1954 году в связи с делом Берии. Согласно этому документу в случае появления войск противника у ворот Москвы Берия должен был произвести взрыв свыше тысячи объектов в столице. Можно представить себе, чем это могло обернуться, если бы мы дрогнули... Возможно, покажется странным, почему я считаю наиболее опасным октябрьские, а не последние ноябрьские дни, когда противник на узких участках находился уже в 26-30 километрах от Москвы. Дело в том, что к этому времени у нас образовался сплошной фронт обороны, а противник был уже не тот, что в сентябре и

октябре.

Когда после Победы художник П. Корин завершил в Берлине свой знаменитый жуковский портрет и пригласил маршала посмотреть готовую работу, Георгий Константинович дал ей весьма необычную оценку.

- Работа отличная, - сказал он. -И лицо полевое...

- Какое? - не понял Корин.

- Полевое, - повторил Жуков и пояснил. - Такое бывает на поле боя...

Маршал знал, что говорил. Он был рожден для действий на поле боя. Волевой, энергичный, умеющий мгновенно оценивать обстановку и принимать единственно верное решение. Он не останавливался ни перед чем для достижения победы, был резок и иногда даже груб в отношениях с подчиненными.

Когда-то в начале своей карьеры он служил комполка в дивизии Рокоссовского, и тот, как командир, давая своему подчиненному аттестацию, указал как на один из серьезных недостатков Жукова на его непомерно грубое отношение к подчиненным. После победы под Сталинградом Жуков, уже начальник над Рокоссовским, напомнил ему о давней аттестации. Но Константин Константинович не смутился:

- А разве я не прав? - спросил он. - Ты такой и есть.

- Верно, - подумав, сказал Жуков. - Прав.

Эта малоизвинительная грубость сослужила маршалу плохую службу. Ведь она породила неверное, но правдоподобное представление о нем как о безжалостном военачальнике, пренебрегающем солдатскими жизнями. Совсем недавно по телевидению какой-то неопрятный иностранный историк убеждал наших зрителей, что Жуков достигал своих выдающихся побед ценой невероятного кровопролития, заваливая поля сражений трупами советских солдат. В обоснование этого глубоко ошибочного мнения нередко приводится хрестоматийная история, когда на запрос Жукова, почему застопорилось наступление, один командарм стал объяснять, что в рядах обороняющегося противника много противотанковых фауст-патронов. "О фа-уст-патронах будешь рассказывать внукам, когда выйдешь на пенсию, -резко оборвал командарма Жуков. -А сейчас - вперед! Только вперед!" Таких примеров жуковской беспощадности приводится сейчас множество. Иные коллеги маршала в годы его опалы приводили ему в пример самих себя как полководцев, берегших солдатскую кровь.

Но старая истина, согласно которой проявление жалости на поле боя жестокая тактика, как нельзя более ярко подтвердилась при серьезном анализе жуковских операций. Так, в "Военно-

историческом журнале" No 1, 1995 г. кандидат военных наук В. Киселев опубликовал поистине сенсационную статью "Почерк двух полководцев". В этом исследовании Киселев сопоставил действия коневского 1-го Украинского фронта и жуковского 1-го Белорусского в знаменитой Висло-Одерской операции.

Оба фронта, пишет Киселев, имели по две танковые армии почти одинакового состава и численности: под начальством Жукова действовали армии Катукова и Богданова общей численностью 1615 танков и самоходок, под начальством Конева армия Рыбалко и Лелюшенко -1675 танков и самоходок. Не было большой разницы и в силе противостоящих вражеских войск. А результаты оказались далеко не одинаковыми, так как командующие по-разному использовали свои танковые армии.

Так, Конев, движимый желанием сберечь солдатские жизни, бросил обе танковые армии в бой в первый же день наступления, чтобы помочь частям 13-й и 52-й армий прорвать тактическую зону вражеской обороны. Жуков же возложил прорыв зоны на общевойсковые 8-ю гвардейскую и 5-ю ударную армии. Танковые же армии сохранил в резерве, намереваясь ввести их в бой на второй и третий день наступления после того, как пехота прорвет тактическую зону. Если Конев не допускал большого отрыва танковых соединений от основных сил фронта, ограничив темп среднесуточного движения танковых соединений 20-25 километрами, то Жуков, напротив, требовал, чтобы продвигались в сутки не менее чем на 45-50 километров, не опасаясь значительного отрыва. Он лично инструктировал командиров передовых отрядов, убеждая их не бояться решительного продвижения в глубь вражеской обороны, обещая всемерную поддержку авиацией даже при отрыве на сто километров. Смелое продвижение, говорил маршал, не позволит противнику организовать сопротивление на подготовленных в глубине рубежах.

Не описывая ход сражения, рассмотрим лишь его финал. Через две недели после начала операции войска 1-го Белорусского фронта продвинулись на сто километров дальше, чем 1-го Украинского. Но что поразительнее всего, потери у "жестокого", "безжалостного" Жукова оказались примерно в полтора раза меньше, чем у "гуманного", пекущегося о сбережении солдатских жизней Конева (17257 человек убитыми и 61151 ранеными против 26219 человек убитыми и 89564 ранеными). Чтобы достичь жуковских рубежей, Коневу пришлось провести еще одну Нижне-Силезскую операцию, занявшую еще две недели, потеряв при этом 23577 человек убитыми и 75809 ранеными. Таким образом, выход на жуковские рубежи

потребовал от Конева двух операций, в ходе которых он потерял почти в три раза (!) больше солдат, чем Жуков.

С этих рубежей Георгий Константинович начал последнюю операцию Отечественной войны - Берлинскую, которая дала ему право спустя много лет сказать о себе:

ГОРЖУСЬ, ЧТО СВОЮ СТОЛИЦУ ЗАЩИТИЛ, А ВРАЖЕСКУЮ ВЗЯЛ!

Люди старшего поколения помнят слухи о причинах снятия Жукова с поста Главнокомандующего сухопутными силами сразу после войны. Говорили о несметных трофейных богатствах, изъятых маршалом в оккупированной Германии, об охватившей его мании величия и бонапартистских замыслах, побудивших его заказать свой портрет на белом коне в виде Георгия Победоносца. Сегодня мы можем прочитать документы, на которых некогда основывались слухи: журнал 'Военные архивы России" опубликовал в 1993 году справки, записки и доносы на Жукова, направленные Сталину.

Поначалу описи мебели, золотых и антикварных вещей, картин, мехов, тканей, ваз, сервизов, музыкальных инструментов и охотничьих ружей, обнаруженных на квартире и на даче Жукова, впечатляют. Но сегодня, когда миллиардными состояниями в России владеют люди, не имеющие никаких заслуг перед Отечеством, с грустью читаешь оправдания великого полководца, перед которым трепетали генералы вермахта - сильнейшей в мире армии.

"Я признаю серьезной ошибкой то, что много накупил для семьи и своих родственников материала, за который платил деньги, полученные мною как зарплату... Картины и ковры, а также люстры действительно были взяты в брошенных особняках и замках и отправлены для оборудования дачи МГБ... Я считал, что все это поступает в фойд МГБ, т. к. дача и квартира являются в ведении МГБ. Все это перевозилось и использовалось командой МГБ, которая меня обслуживает 6 лет... Моя вина, что я не поинтересовался, где, что состоит на учете... Сервизы я купил за 9200 марок... На покупку я могу предъявить документы... Серебряные ложки, ножи и вилки присланы были поляками в честь освобождения Варшавы, и на ящиках имеется надпись, свидетельствующая о подарке... Охотничьи ружья. 6-7 штук у меня было до войны, 5-6 штук я купил в Германии, остальные были присланы как подарки... Признаю вину в том, что я зря держал такое количество ружей. Допустил я ошибку потому, что, как охотнику, было жаль передавать хорошие ружья... я признаю себя очень виноватым в том, что не сдал все это ненужное мне барахло куда-либо на склад, надеясь на то, что оно никому не

нужно"...

Это объяснительное письмо Жданову Жуков написал 12 января 1948 года, а уже 3 февраля все его так называемое "незаконно приобретенное и присвоенное трофейное имущество" было конфисковано и передано по акту Управляющему Делами Совета Министров СССР Чадаеву. И когда через девять лет Хрущев отправил Георгия Константиновича с поста министра обороны на пенсию, сокрушитель вермахта оказался на мели. "Мы с Галиной Александровной думали, что у нас много денег, - говорил он маршалу авиации А. Голованову, - а оказалось, ничего нет. Пенсия 400 рублей, из них первой жене посылаю 200 ей-то какое дело, что я уже не министр? Попросил солдата сдать мой баян в "комиссионку", принес 500 рублей. Я бы мог, конечно, ездить на трамвае, но ведь я одиозная фигура, меня будут снимать для иностранных журналов!"

Более опасным, чем подозрения в стяжательстве, были в те времена обвинения политические, содержавшиеся в заявлении на имя Сталина, написанные бывшим маршалом авиации А. Новиковым. В 1946 году, ссылаясь на особо доверительные и близкие отношения с Жуковым, Новиков утверждал, что Георгий Константинович мало того, что властен, самовлюблен, славолюбив и не терпит возражений, так он еще "пытается умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования и в то же время не стесняясь выпячивает свою роль в войне как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им". Особое коварство Георгия Константиновича Новиков усматривал в том, что Жуков "не столько в интересах государства, а больше в своих личных целях стремится чаще бывать в войсках, чтобы таким образом завоевать себе еще больший авторитет"...

Новиков считал, что Жуков был недоволен своим положением представителя Ставки, при котором будто бы все операции разрабатывал и проводил он, а награды и похвалы получали командующие фронтами. При этом он претендовал на разработку операций по разгрому немцев под Ленинградом, Сталинградом, на Курской дуге и под Москвой.

Думается, Новиков тут кривил душой. Ведь Жуков был не только представителем Ставки, но и заместителем Верховного Главнокомандующего. И он гордился этим высоким званием. Когда однажды его назвали "первым заместителем", он возразил: "Я не первый, а единственный!"

Обвинение же в том, что он строит из себя Наполеона, Жуков отмел, как говорится, с порога. "Наполеон? - воскликнул он, - Наполеон проиграл войну, а я ее выиграл!"